

Р.А. Гальцева

Мотивы поэзии Лермонтова Судьба

Судьба — признанная сила в мире лермонтовских героев и важный фактор мироощущения поэта (хотя само слово «судьба» употребляется Лермонтовым, особенно в ранней лирике, не всегда концептуально, а в качестве традиционной метафоры — в соответствии с распространенными представлениями и поэтической фразеологией того времени). Судьба у Лермонтова, фигурирующая также под именами «рока», «жребия», «фатума», «закона», по своей сути недоброжелательна к человеку. Уже в первых отроческих стихах появляется «грозный рок», «гибельный рок», и в дальнейшем через всю поэзию проходит судьба, которая «губит», «унижает», «томит», «отравляет надежды», разлучает любящих; лирический герой претерпевает «ужасный жребий», испытывает на себе «бури рока». Если судьба и улыбнется, то надо ждать расплаты: «За каждый светлый день иль сладкое мгновенье / Слезами и тоской заплатишь ты судьбе» — стихотворение «Отчего». Удачливому Печорину судьба попустительствует тоже до поры — даже чудесное везение в «Фаталисте» оказалось всего лишь небольшой отсрочкой ранней кончины героя. Судьба тяготеет над всеми героями лермонтовских произведений. Она одержима какой-то губительной страстью: целеустремленно использует человеческую злобу, затем мстит мстителям (в ранних поэмах, в драме «Маскарад»), возвращает на старые места тех, кто рвется к новой жизни (так она водит по кругу Мцыри и Демона). И соответственно, в свете лермонтовской концепции, все жизненные невзгоды и крушения оказываются отнесенными за счет противодействия судьбы, которая выступает как псевдоним враждебного человеку мира (см. «Смерть поэта»). Именно судьба в виде природного закона обрекает на гибель все живое, однако вдвойне обреченные, «прóклятые», «избранники» судьбы или «дети рока» — это исключительные личности. Таковы главные персонажи лермонтовских поэм, таковы Наполеон, Пушкин, сам лирический герой. Потому ли, что судьба первая положила свой недобрый глаз на героя или она действует уже в ответ на его своеволие — на отказ быть «игралищем рока» — но, по Лермонтову, существует нерасторжимая связь между незаурядной личностью и трагической жизненной участью. Герой принимает вызов судьбы или бросает ей вызов («но судьбу я и мир презираю»), после чего завязывается борьба не на жизнь, а на смерть. И хотя исход ее в общем предрешен, героический персонаж черпает силы в самом акте противостояния; «гордую душу» судьба «так скоро не убьет, а лишь взбунтует». Рассуждения типа «человек, который хочет чего-нибудь добиться, принуждает судьбу сдаться» (Дмитрий Белинский — драма «Странный человек») остаются побочными и не меняют трагической тональности жизневосприятия в мире Лермонтова.

В «лермонтовском человеке» оживает образ античного стоического героя («как древний грек, поэт не хочет безропотно подчиниться слепой силе рока») и одновременно предвосхищен героический пессимист с его лозунгом борьбы без надежды на успех. Этот романтизированный отзвук язычества, заменяющего провидение судьбой, освобождает от мысли о подотчетности человека «высшему началу», а тем самым заставляет сомневаться в возможности справедливого суда над всей человеческой жизнью. И когда поэту нужно обратиться за справедливостью, чтобы наказать «наперсников разврата», — он грозит им «божьим судом», однако, как правило, вершится в лермонтовском мире именно «приговор» судьбы; в «Смерти поэта» неумолимость этого приговора находит своего исполнителя в лице враждебного «света».

«Божья воля», провидение и «высший суд», к которым время от времени апеллируют герои Лермонтова, не могут устоять «против строгих законов судьбы» («Желание»),

и сам Творец часто подменяется судьбой («Стансы», 1831; «Гляжу на будущность с боязнью...»), представляя собой скорее переходную фигуру между личным богом монотеизма и безличным разрушительным фатумом:

Мне любить до могилы творцом суждено,
Но по воле того же творца
Все, что любит меня, то погибнуть должно,
Иль, как я же, страдать до конца.

Судьба господствует и над Демоном, с помощью которого лирический герой дистанцируется от «власти всевышнего».

Хотя нравственная самокритика не чужда Лермонтову, проблема судьбы, как она предстает в его творчестве, переводит вопрос человеческого существования из сферы расчетов с совестью и духовно-нравственного совершенствования в плоскость пробы титанических возможностей героя. Ведь противостоя враждебной судьбе, герой всегда прав и имеет право на лавры героя, и чем больше мощи у судьбы и безнадежнее борьба с ней, тем больше чести героической индивидуальности, бросающей ей вызов. С другой стороны, отсутствие надличных гарантий и смыслов ставит личность в катастрофически необеспеченную ситуацию полного одиночества и требует от нее истинного мужества и отваги.

В последние годы вместе со спадом мятежных страстей борьба с роком ослабевает (покорность ему с печальной иронией признает поэт в «Валерике»: «Мой крест несу я без роптанья: / То иль другое наказанье? / Не все ль одно. Я жизнь постиг; / Судьбе как турок иль татарин / За все я ровно благодарен; / У бога счастья не прошу / И молча зло пере-ношу»), а проблема выяснения отношений с судьбой значительно осложняется. Теперь героем Лермонтова, особенно лирическим, руководит не столько противостояние судьбе, сколько ее выпытывание, особенно томительное от осаждающих поэта дурных предчувствий; не столько утверждение самоволия, сколько угадывание своего конца, обостряемое скукой жизни («пустой и глупой шутки»). Но это заглядывание в будущее происходит у «лермонтовского человека» тоже на особый, присущий ему героический манер: герой уже не стремится переломить судьбу, но идет ей навстречу, желая ускорить ход событий и заодно проверить строгость ее плана. На опыте, намеченном в «Штоссе» и образцово разработанном в «Фаталисте», герои и действие у Лермонтова призваны доказать, что человеку не дано «своевольно располагать своей жизнью» и «каждому из нас заранее назначена роковая минута». Лермонтов объединяет свою точку зрения с «мусульманским поверьем» («что судьба человека написана на небесах»), и это правомерно — лишь с учетом определенного смыслового различия между исламской покорностью (мусульманин верит, что он в последнем счете находится в ведении справедливого и благого «управителя») и стоическим фатализмом поэта. И так же, как на предыдущем этапе героического противоборства, теперь на пути «фаталистического эксперимента» (В. Соловьев) автор не отстает от своих отчаянно-отважных героев. Однако судьба, не поддавшаяся на опасную игру с ней литературных персонажей, роковым образом откликается на искусительную жизненную стратегию поэта.

Сосредоточенность на судьбе неотделима у Лермонтова от постоянно мучивших его роковых предчувствий и прозрения будущего. «Судьба его, — пишет о Лермонтове исследователь И. Соловьев, — представлялась ему роковой». «Пророческая тоска» Лермонтова находит себе место в лирике всех лет, достигая своего апогея в многомерном визионерстве стихотворения 1841 года «Сон» и в некоторых эпизодах «Героя нашего времени» — как известно, сюжет «Княжны Мери» во многих деталях предваряет фабулу реальных жизненных событий.

Силу, которую поэт чувствовал над собой, он, в соответствии со своим непреклонным индивидуализмом, настойчиво представлял в конечном итоге в виде отчужденной, бесчувственной и «свирепой» судьбы, диалог с которой невозможен. Это мировосприятие Лермонтова в последние годы отозвалось на самой его жизненной участи. Роковую связь

сознания и судьбы поэта отметил Гоголь, говоря, что была «какая-то несчастная звезда, которой управленье захотелось ему над собой признать».

Образ судьбы в творчестве, в поэтическом восприятии Лермонтова симптоматичен для его «трагического сознания», охарактеризованного Белинским: «с небом гордая вражда... презрение рока и предчувствие его неизбежности».